

в отличие от другой местной летописи, Вологодско-Пермской,¹ Московский свод ничего не сообщает об обещании Ивана III поделить с братьями вотчину умершего брата Юрия и о переговорах Ивана III с ханом. Сопоставление рассказа об Угре в Московском своде с Типографской летописью также обнаруживает, наряду со значительными совпадениями, важные различия между обоими рассказами. Отсутствуют в Московском своде характерные для Типографской летописи отступления, описывающие переживания лиц, находившихся „в граде Москве“, в том числе „архиепископа Васьяна“; нет здесь весьма характерного для рассказа Типографской летописи рассуждения, что находившиеся в столице не ждали „ни от кого же помощи“, кроме бога. Мотив этот повторяется в Типографской и далее: вернувшись после ухода татар, князь якобы возглашает: „Ни ангел, ни человек спасе нас, но сам господь, пречистые и всех святых моленми“; в заключительной части рассказа автор объясняет, что он писал не для того, чтобы укорять кого-либо, „но да не похвалятся несмыслени в своем безумии, глаголюще: „Мы своим оружием избавихом Русскую землю», но дадут славу богу и пречистой богородице“. В Московском своде всего этого нет.³ С другой стороны, в Московском своде читается ряд мест, которых нет в Типографской летописи. Яснее показывают Московский свод и сходные с ним летописи связь между вступлением братьев и походом Ахмата. Ахмат, согласно этим источникам, пошел в поход, „слышав, что братия отступиша от великого князя“; в самом Московском своде (Уваровском списке) говорится даже, что Ахмат пошел „по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса“.³ Резче здесь подчеркнута и роль польского короля Казимира в татарском нашествии: в Московском своде сообщается не только о соглашении между королем и ханом, но указывается даже предполагавшийся маршрут их совместного похода: „царю от себя полем, а королю от себя“.⁴

Все отмеченные своеобразные черты рассказа Московского свода по сравнению с Типографской летописью говорят об официальном характере этого рассказа, о соответствии его тенденций политической линии великого князя (борьба с Литвой, наступление на удельных князей после 1480 года).

Чем же объяснить тогда наличие в этом рассказе приведенных мест о влиянии „сребролюбцев“ на Ивана III, о трусливом поведении Софьи Палеолог и окружавших ее „кровопивцев“? Думается, что места эти не показались бы исследователям столь невозможными на страницах великокняжеской летописи, если бы они учли важные политические перемены, происшедшие в Москве после 1480 года. В 1484 году, как мы узнаем из той же Типографской летописи, жена великого князя, Софья Палеолог, оказалась замешанной в какой-то политической интриге, связанной с одним из последних удельных князей — Василием Михайловичем Верейским. Последнему пришлось бежать в Литву; политическое положение самой великой княгини пошатнулось. В 1483 году был

¹ БАН, 16.8.15, лл. 265—281 (сходный рассказ в Софийской летописи по Воронцовскому списку: БАН, 34.2.31, лл. 457 об. — 461). Неофициальный характер свода, сохранившегося в Вологодско-Пермской летописи, подтверждается, в частности, следующим за рассказом об Угре известием о походе Менгли-Гирея на Киев.

² ПСРА, XXIV, стр. 200—201. Ср.: ПСРА, XXV, стр. 328; Погод. 1409, лл. 127—129.

³ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 126 („по совету братьи“ — нет). Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.

⁴ ПСРА, XXV, стр. 327; Погод. 1409, л. 125. Ср.: ПСРА, XXIV, стр. 199.